Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://filosoff.org/ Приятного чтения!

Возвращение Рая. Томас Мертон.

I

Один из святых Достоевского, старец Зосима, типичный представитель традиции Греческой и Русской Православной Церкви, делает удивительное заявление. Ему принадлежат слова: «Господа, посмотрите кругом на дары Божий: небо ясное, воздух чистый, травка нежная, птички, природа прекрасная и безгрешная, а мы, только мы одни безбожные и глупые и не понимаем, что жизнь есть рай, ибо стоит только нам захотеть понять, и тотчас же он настанет во всей красе своей, обнимемся мы и заплачем...». Это необычные слова, особенно если мы вспомним, что в романе «Братья Карамазовы» они произнесены на фоне насилия и богохульства. Постиг ли Зосима смысл своих слов? Или же он был просто заблудшим глупцом, который видел красочные сны, находясь под влиянием «опиума для народа»?

Что бы современный читатель ни думал об этом, очевидно, что речь здесь идет о чем-то неотъемлемо присущем раннему христианству. Современные воззрения на учение отцов Церкви не оставляют сомнений в том, что одним из основных мотивов, подвигавших людей начать ангельскую жизнь (bios angelikos) в одиночестве и скудности пустыни, была именно вера в то, что это откроет им дорогу в рай.

Следует акцентировать внимание на правильном и точном понимании слова «рай». Рай – это не «небеса», а состояние сознания, в котором человек пребывает на земле. Рай принадлежит настоящему, а не будущему. Но в то же время он, в некотором смысле, включает в себя прошлое и будущее. Рай – это состояние, в котором человек сотворен жить на земле. Часто рай понимают также как преддверие небес, где душа оказывается после смерти, – как явствует из последних строк «Чистилища» у Данте. И Христос, умирая на Кресте, сказал раскаявшемуся злодею, распятому вместе с Ним: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лук. 23, 43), – и было ясно, что в данном случае рай не означает небеса.

Не следует полагать, что рай – это место отдохновения и чувственных удовольствий, хотя верно, что живущий в раю пребывает в состоянии покоя и благодати. Когда христианские отцы отправлялись в пустыню па поиски рая, они находили невинность, опустошенность и чистоту сердца, которые были у Адама и Евы в Эдемском саду. Очевидно, пустынники не надеялись увидеть в безводном, выжженном солнцем краю цветущие сады. Очевидно, они не ожидали, что среди раскаленных камней и пещер их взору неожиданно предстанет уютный оазис, где можно отдохнуть в тени деревьев и насладиться плеском журчащего ручья. То, что они искали и находили, был рай внутри них. Возвращение в рай было для них обретением целостности, которая была утеряна с «познанием добра и зла».

Вначале Адам был «одним человеком» (one man). Грехопадение разделило его на «множество» (a multitude). Христос вернул человеку единство с Собой. Мистический Христос был «Новым Адамом», и в Нем люди могли обрести целостность, невинность, чистоту и стать «одним человеком». Omnesin Christo unum. Это означало, разумеется, жизнь не по своей воле, не в угоду своему эго, своему ограниченному и корыстному естеству, а существование «в одном духе» с Христом. «Соединяющийся с Господом, – сказал св. Павел, – есть один дух (с Господом)» (1 Кор. 6,17).

Единство с Христом есть единство во Христе, так что всякий пребывающий во Христе может сказать вместе с Павлом: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20). Это Христос пребывает в каждом. Индивид умирает вместе с Христом для «старого человека», для своего внешнего, эгоистического «я», а затем воскресает во Христе. При этом он становится новым человеком, безличностным и божественным существом, которое есть Христос, один и тот же «во всех и во всем».

В этом отношении между христианством и буддизмом прослеживается великое различие. С метафизической точки зрения, мы видим, что буддизм принимает пустоту как полное отрицание личности во всех ее проявлениях, тогда как

христианство в чистоте сердца и «единстве духа» находит высшее трансцендентное развитие индивидуальности. Это очень сложный и запутанный вопрос, обсуждать который мы сейчас не будем. Однако мне кажется, что большинство мнений, высказываемых на эту тему вплоть до настоящего времени, были очень туманными. Мы, христиане, очень часто отождествляем «индивидуальность» с иллюзорным и внешним эго, которое заведомо не является подлинной христианской личностью. У буддистов же, как может показаться, вообще нет положительного представления о личности, и буддистские философы прекрасно обходятся без него. Однако несомненно, что личность присутствует в буддистской практике. Это явствует из замечания доктора Судзуки о том, что по завершению дзэнской практики, когда человек «отбрасывает все», он находит себя «обычным Томом, Диком или Гарри, которым всегда был». Мне кажется, что это соответствует на практике идее о том, что христианин теряет «старого человека» и находит свое подлинное «я» «во Христе».

Основное различие между христианством и буддизмом в данном случае в том, что терминология и практика буддизма намного более строги и безжалостны, и там, где последователь дзэн говорит о Пустоте, не остается места для образов и представлений, которые можно по ошибке принять за подлинную реальность. Христианское же рассмотрение предмета предполагает свободное использование метафорических выражений и конкретных образов, однако мы не должны забывать, что нам следует пройти через это внешнее обрамление и достичь внутренних глубин. В любом случае, смерть «внешнего человека» подразумевает не исчезновение личности, а разоблачение иллюзии, тогда как открытие «нового человека» – это постижение того, что всегда присутствовало. Это рассуждение не должно вызывать возражений, потому что, как известно, человек – это образ и подобие Бога.

Христианские представления о «жизни во Христе» и «единстве во Христе» довольно хорошо знакомы нам, однако в наше время мало кто понимает их подлинный духовный смысл. Эти представления почти никогда не рассматриваются с мистической точки зрения, потому что нас больше интересуют социальные, экономические и этические аспекты подобных идей. Интересно, не позволят ли мнения доктора Судзуки о Пустоте глубже проникнуть в мистическое представление о единстве и непорочности человека во Христе? Каждый, кто читал Сан Хуана де ла Круса и знаком с его учением о «темной ночи души», будет склонен задавать тот же вопрос. Если мы должны умереть для себя и «жить во Христе», не означает ли это, что мы должны каким-то образом «опустошить себя» или умереть для своего старого «я»? Если нам суждено жить и действовать по милости Христа, не означает ли это, что мы так или иначе постигаем все свои действия «проистекающими из Пустоты», рождающимися из непостижимой божественной любви и чистой свободы? Или же мы должны по-прежнему считать, что эти действия совершаются нашим внешним эгоистическим «я», которое приводится в движение нашими желаниями и всегда действует в наших личных интересах?

Сан Хуан де ла Крус сравнивает человека с окном, в котором сияет свет Божий. Если оконное стекло чисто и на нем нет пятен, оно полностью прозрачно и мы не видим его вообще. В этом случае стекло «пусто»; через него виден только свет. Если же человек даже в «благих делах» проявляет духовный эгоизм и отягощен своим иллюзорным «я», оконное стекло его души отчетливо видно, поскольку на нем есть пятна. Таким образом, когда человек освобождается от пятен и грязи, которые возникают вследствие его пристрастия к добру и злу, он преображается в Боге и достигнет единства с Ним. Сан Хуан де ла Крус говорит:

Когда душа освобождается от последнего следа и тени тварей, она достигает единства своей воли и воли Божьей, ибо любовь есть труд отделить себя от всего, что не есть Бог, и обнажить себя во имя Бога. Позволяя Богу работать в себе, такая душа в один миг просветляется и преображается в Боге, и Бог сообщает ей Свое сверхъестественное существо таким образом, что душа представляется себе Самим Богом и обладает всем, чем обладает Сам Бог... В этом преображении душа едина со всеми божественными вещами, и посему она представляется себе более Богом, нежели душою, и есть воистину Бог по соучастию.
Это преображение души есть то, что отцы-пустынники называли чистотой сердца и что соответствует новому обретению невинности в раю. Многие предания,

которые повествуют о том, как отцы проявляли дар власти над дикими животными, изначально понимались как проявления этой райской невинности. Один из ранних христианских писателей Павел-отшельник говорит: «Если кто-либо обретет чистоту, все будет подчиняться ему, как подчинялось Адаму до грехопадения».

У нас не вызывает сомнений первая часть утверждения старца Зосимы о том, что рай достижим, потому что присутствует в нас всегда и ждет, пока мы войдем в него. Однако мы останавливаемся перед словами: «Стоит только нам захотеть понять, и тотчас же он настанет во всей красе своей». Такой подход представляется нам слишком упрощенным. Чтобы войти в рай, мало одних только благих пожеланий. Пожелать может каждый. Однако Зосима здесь говорит о желании, которое выходит далеко за пределы пустых мечтаний и надуманных грез. Для него желание означает полный переворот и преображение всей нашей жизни. Человек должен лишь «захотеть понять» и отказаться от ожидания чего-либо другого. Он должен прекратить поиск всех возможных «благ». Он должен посвятить все силы своей души и сердца тому, чтобы вернуть себе невинность. И все же, как прекрасно заметил доктор Судзуки, это не может быть делом одного лишь нашего «я».

То же самое нам говорит христианское учение о милости. Бесполезно нашему «я» пытаться «очистить себя», или «освободить в себе место для Бога». Невинность и чистота сердца – это полная пустота «я», в которой все есть деяние Бога, Его милость, свободное и непредсказуемое проявление Его любви. В чистоте изначальной невинности все делается в нас, но без нас (in nobis et sine nobis). Но пока мы не достигли этого уровня, мы должны работать на другом уровне знания – на уровне scientia, на котором милость работает в нас, но не без нас (in nobis sed non sine nobis).

Доктор Судзуки показал, что было бы серьезной ошибкой полагать, что человек может поднять себя за шнурки от ботинок, перенести в состояние невинности и блаженно продолжать жить безо всяких забот о текущей жизни. Невинность не отбрасывает и не уничтожает знания. Невинность и знание должны идти вместе. Именно в этом отношении многие недалекие духовные люди совершают ошибку. Некоторые из них были столь невинными, что потеряли контакт с повседневной реальностью жизни в борющемся и сложном мире людей. Однако невинность этих людей не была подлинной. Это была фиктивная невинность, извращение и искажение подлинной духовной жизни. Это была пустота квиетизма, пустота, которая была всего лишь незаполненной и глупой – отсутствие знания, но без мудрости. Это было эгоистическое неведение ребенка, а не пустота святого, который не рассуждает, а лишь следует милости Бога…

II

В библейских словах о том, что человек сотворен по образу и подобию Бога, отцы Церкви видели доказательство того, что человеку доступны райская невинность и созерцание и что именно они являются целью сотворения мира. Человек был сотворен для того, чтобы в пустоте и чистоте сердца он мог отражать чистоту и свободу невидимого Бога и тем самым достигать совершенного единства с Ним. Однако на практике вернуться в рай, который скрыт глубоко внутри нас, очень трудно. В Книге Бытия говорится, что путь обратно в рай сторожит ангел с «пламенным мечом обращающимся» (Быт. 3,24). Однако это не значит, что возвращение в рай невозможно. Св. Августин говорит: «Каждый, кто возжелает вернуться в рай, будет подвергнут испытанию огнем». Путь от знания к невинности, путь очищения сердца – это путь искушений и борения. На нем нужно преодолевать препятствия, совладать с которыми порой бывает очень трудно.

Доктор Судзуки не упоминает одного из главных действующих лиц в драме грехопадения: дьявола. В буддизме, несомненно, есть представление об этом существе: это Мара-искуситель. Если вообще для какой-то религии характерен интерес к дьяволу, это верно для тибетского буддизма. Однако в дзэн дьявол фигурирует крайне редко. В христианских «Писаниях отцов» мы тоже встречаем его редко, но его присутствие чувствуется везде в пустыне, которая является его пристанищем. Первый и величайший из отшельников, св. Антоний, дает

классический пример борьбы с дьяволом. Отцы-пустынники вступали на территорию дьявола, чтобы в решительном бою победить его и вернуть себе рай.

Не предпринимая попыток полностью определить всемогущий и злонамеренный дух, каким есть дьявол, давайте лишь скажем, что на первых страницах Библии именно он предлагает человеку знание добра и зла как чего-то более возвышенного и божественного, чем состояние невинности и пустоты. А на последних страницах Библии, когда человек достигает единства с Богом во Христе, дьявола изгоняют. Важно, что в этих строках «Откровения» дьявол назван «клеветником братии наших, клеветавшим на них пред Богом нашим день и ночь» (Отк. 12, 10). В Книге Иова дьявол не только заставляет страдать самого Иова, но и действует как искуситель, поучая друзей Иова.

Друзья Иова появляются на сцене как советники и утешители, предлагавшие Иову плоды своих моральных знаний. Но когда Иов настаивает на том, что его страдания не имеют объяснения и что он не может поведать им их причину на обычном языке этических представлений, друзья начинают обвинять Иова и называют его грешником. Таким образом, несмотря на свою мораль, они являются не утешителями страждущего, а палачами добродетели. И хотя при этом они объявляют себя последователями Бога, они действуют по наущению дьявола.

Другими словами, в сфере знания (scientia), человек подвержен влиянию дьявола. Однако это вовсе не означает, что знание является злом и поэтому от него нужно отказаться. Но даже если наука не изменяет нам прямо, она склонна вводить нас в заблуждение косвенно. Ее цели не совпадают с целями нашей глубинной духовной природы. К тому же, нас постоянно вводят в заблуждение страсти, привязанность к «я» и другие «искушения дьявола». Таким образом, сфера знания – это сфера отчуждения и риска. В ней мы далеки от своего подлинного «я» и оказываемся полностью порабощенными силами иллюзии. И это верно не только тогда, когда мы грешим, но и тогда, когда мы избегаем греха. Отцы-пустынники постигли, что самые опасные проявления дьявола искушают монахов, которые достигли морального совершенства, то есть, по общему мнению, стали настолько чистыми сердцем и добродетельными, что подвержены духовной гордыне. Тогда начинается борьба с самой последней и утонченной привязанностью: с привязанностью к своему совершенству, с любовью к своему одухотворенному, очищенному и опустошенному «я», с псевдо-святостью и ложным мистицизмом.

Единственным выходом, говорит св. Антоний, является смирение. Представление о смирении отцов-пустынников очень хорошо соответствует духовной нищете, которую описал доктор Судзуки. Человек не должен обладать абсолютно ничем, даже своим «я», в котором ему являются ангелы. Он не должен обладать даже безличностностью, которой может гордиться. Подлинная святость не есть дело рук человека, который очищает себя. Подлинная святость – это присутствие Самого Бога в Его трансцендентном сиянии, которое для нас есть Пустота.

III

Давайте более пристально присмотримся к двум патристическим текстам, в которых говорится о знании (scientia), появившемся после грехопадения Адама. Св. Августин говорит:

Сие знание описывается как распознавание добра и зла, ибо душа должна устремляться к тому, что находится вне ее, то есть к Богу, и забыть то, что находится под ней, то есть плотские соблазны. Но если душа, отвернувшись от Бога, обратится к себе и пожелает наслаждаться своими духовными свершениями, словно бы независящими от Бога, она становится одержима гордыней, которая есть начало всякого греха. И когда она бывает наказана за этот свой грех, она на опыте постигает расстояние, отделяющее благо, от которого она отвернулась, от искушения, которому подверглась. В этом смысл вкушения плода с дерева познания добра и зла.
И в другом месте:

Когда душа покидает мудрость (sapientia) Любви, которая вечно пребывает единой и неизменной, и желает знания (scientia) мимолетных и бренных вещей, она становится более раздутой, нежели разросшейся. Отягощенная сим душа лишается высокого блаженства, словно падая вниз под собственным весом. Несколько коротких комментариев помогут лучше понять изложенные представления о знании и его проявлениях. Прежде всего, состояние сотворенного человека – это состояние непроизвольной устремленности к тому, что метафизически выше его, но в то же время глубоко присутствует в его собственной природе. Поэтому такой человек сокрыт в Боге и един с Ним. Это то, что у св. Августина соответствует пустоте и невинности человека в раю.

Знание добра и зла начинается с наслаждения мимолетными чувственными вещами во имя этих вещей – и это наслаждение позволяет душе осознать себя и сосредоточивает ее внимание на удовольствиях. Тем самым душа начинает осознавать добро и зло для себя. Как только это происходит, наблюдается полное изменение точки зрения, и из состояния единства или мудрости (отождествляемых с пустотой и чистотой) душа переходит в состояние дуализма. Теперь она осознает себя отделенной от Бога. Теперь она видит в Боге объект своего желания и страха и не теряет себя в Нем как в трансцендентном субъекте. Более того, она может даже осознавать Бога как антагонистическое и враждебное существо. И все же ее влечет к Нему как к высшему благу. Однако осознание себя самой становится для нее «бременем», которое удаляет ее от Бога. Каждое действие самоутверждения усиливает дуализм между душой и Богом. Вспомните слова св. Августина: «Моя любовь – это тяготеющая сила» (amor teus, pondus meum).

Если человек любит мимолетные вещи, он приобретает иллюзорную субстанцию и самость, которая «тянет его вниз», рождает в нем устремленность к вещам, находящимся на более низкой ступени существования, чем сама душа. Ее самоутверждение зависит от этих вещей. Со временем это гравитационное притяжение перерастает в порабощение материальными и временными заботами – и, в конце концов, в порабощение грехом.

Однако сам этот вес является иллюзией, результатом «раздувания» гордости, ее возрастанием без реальных оснований. Поэтому «я», которое увлекается вниз под действием любви к материальным вещам, фактически нереально. И все же оно остается самостоятельной эмпирической сущностью: нашим представлением о себе. И эта эмпирическая сущность укрепляется каждым проявлением эгоистического желания или страха. Оно не является подлинным «я», христианской личностью, образом Бога в подобии Христа. Это ложное «я», искаженный образ, карикатура, пустота, которая раздулась и преисполнилась собой, в результате чего создалась иллюзорная видимость личности. Таков комментарий св. Августина на слова св. Павла: «Знание надмевает» (scientia inflat) (1 Кор. 8,1).

Эти два отрывка из св. Августина перекликаются с процессом, который доктор Судзуки описывает предложением: «Из Пустоты Сознания таинственным образом возникает мысль, и мы имеем этот мир множественности». Я, конечно, не утверждаю, что св. Августин излагает дзэнскую точку зрения. Далеко не так! Между учениям св. Августина и позицией дзэн остаются существенные расхождения, которые мы не будем сейчас рассматривать. Достаточно сказать, что платонизм св. Августина в чем-то созвучен дзэн.

Как только мы обнаруживаем себя в состоянии знания добра и зла, мы принимаем это. Мы должны понять свое положение, увидеть его отношение к невинности, для которой мы были созданы, которую потеряли и которую можем вернуть себе. Однако пока мы не вернули себе невинности, мы должны рассматривать знание и невинность как дополняющие реальности. Это самая утонченная проблема, которая когда-либо стояла перед отцами-пустынниками, – причем многих из них она погубила. Они осознали различие между знанием добра и зла, с одной стороны, и невинностью, или пустотой, с другой. Однако, как мудро заметил доктор Судзуки, они стали жертвой сверхупрощений и абстрактных решений. В наших «Писаниях» такой пример дает Джон-карлик. Он желает достичь состояния, в котором нет искушений и движения страсти.

Подобное состояние представляет собой не что иное, как утонченное знание. Вместо того чтобы вести к невинности, оно приводит к неясной любви к своему «я». Оно приводит к созданию псевдопустоты – очень чистого «я», которое столь совершенно, что может оставаться собой без малейших следов поверхностной мысли. Однако это не Пустота. Здесь все еще присутствует «я», которое является субъектом чистоты и носителем пустоты. Отцы-пустынники видели, что это победа ловкого искусителя. Он оставляет человека погруженным и заключенным в его тонкое «я», которое является проницательным распознавателем добра и зла, «я» и не-«я», чистоты и скверны. Однако такой человек не постиг невинность. Он – обладатель духовных знаний, и поэтому, как таковой, по-прежнему подвержен воздействию со стороны дьявола. Поскольку он «совершен», он подвержен самому большому обману. И только невинность может освободить его от этого обмана.

Обретая духовную наготу, человек постигает, что он пуст, что он не обладает «я», которое «обрело» пустоту или «стало» пустым. Он постигает, что пуст с самого начала, как заметил доктор Судзуки. Или, если выразить то же самое на эмоциональном языке св. Августина и св. Бернарда, он «любит чистой любовью». Другими словами, он любит чистотой и свободой, которые спонтанно проистекают, когда он возвращает себе божественное подобие и становится своим подлинным «я». Он един с Богом, тождествен Ему, и поэтому в нем не остается эго. Все, что ему ведомо, – это любовь. Как сказал святой Бернард: «Такой любящий просто любит и не ведает ничего, кроме любви» (Qui amat, amat et aliud novit nihil).

Независимо от того, выразили ли отцы-пустынники сполна эту пустоту или нет, они несомненно стремились к ней. И главным инструментом, который они использовали для того, чтобы открывать замки духовных иллюзий, была добродетель, называемая различением (discretio). Именно различение св. Антоний назвал самой важной из добродетелей в пустыне. Различение открыло ему важность просто ручного труда. Различение научило отцов, что чистота сердца – это просто изнурение себя в постах и молитвах. Духовное различение относится к сфере знания, поскольку оно проводит различие между добром и злом. Однако его действие проистекает из невинности и пустоты. Оно судит не в терминах абстрактных стандартов, а в терминах внутренней чистоты сердца. Различение судит и позволяет выбрать, однако его суждения и выбор всегда направлены в направлении пустоты, чистоты сердца. Различение – это проявление смирения, и поэтому оно является знанием, на которое не распространяется влияние дьявола.

IV

Св. Кассиан в рассказах об известных ему «сходах» отцов-пустынников формулирует основной принцип их духовности. В чем цель и смысл монашеской жизни? Такова тема первого схода.

Ответ в том,что монашеская жизнь имеет двоякую цель. Прежде всего, она ведет монаха к промежуточному состоянию, за которым должно последовать окончательное состояние совершенства. Промежуточная цель (scopos) – это так называемая чистота сердца, которая в первом приближении соответствует представлению доктора Судзуки о Пустоте. Незапятнанное сердце, которое совершенно и чисто (perfectum ac mundissimum), то есть полностью свободно от чужеродных мыслей и желаний. Это представление скорее уж соответствует стоическому бесстрастию (apatheia), чем дзэнской таковости. Однако в любом случае между ними чувствуется близкая связь.

Это состояния покоя (quies) и полной свободы от всех образов и представлений, которые возмущают и занимают душу. В этих состояниях имеются самые благоприятные условия для высшего созерцания (theologia), в котором нет даже самых чистых и утонченных идей. В этом состоянии Бог познается не посредством концепций и видений, а только через «не-знание». Так выражается св. Евагрий, и это делает его ближе к дзэн, чем теологов молитвы, наподобие св. Максима и св. Григория Нисского. Св. Кассиан близок к св. Евагрию и

даже преклоняется перед ним, но в то же время он демонстрирует типичное для христианина эмоциональное отношение к представлению о чистоте сердца, утверждая, что эта чистота сердца есть просто совершенное великодушие, или божественная любовь без каких-либо примесей эгоистических мотивов. Это определение подчеркивает различие между христианской чистотой сердца и дзэнской Пустотой, однако связь между этими двумя представлениями будет изучаться дальше.

Остается сказать еще одно, самое важное. Чистота сердца не является окончательной целью совершенствования монахов-пустынников. Это всего лишь шаг в направлении этой цели. Мы сказали, что рай – это еще не небеса. Рай не является окончательной целью духовной жизни. В действительности, это лишь возврат в исходную точку. Это «новое начало». Монах, постигший чистоту сердца и в какой-то мере вернувший себе невинность Адама, все еще не закончил своего путешествия. Он только приготовился к его началу. Он готов к новым свершениям, которых «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (1 Кор. 2, 9). Чистота сердца, говорит св. Кассиан, есть промежуточная цель духовной жизни. Однако окончательной ее целью является Царство Небесное. Это измерение христианства остается всецело за пределами сферы дзэн.

Мне можно возразить, что эти слова опровергают все, что было сказано о Пустоте, и возвращают нас обратно в состояние дуализма, а стало быть, знания о добре и зле, разделения между Богом и человеком и так далее. Однако это не так. Чистота сердца возвращает человека в состояние единства и Пустоты, в котором он представляет одно целое с Богом. Однако это состояние является лишь необходимым приготовлением не для дальнейшей борьбы со злом, а для подлинного дела Божьего, которое Библия называет «новым творением», воскресением из мертвых, воссозданием всех вещей во Христе. Это подлинное измерение христианства, его эсхатологическое измерение, которое свойственно ему и не имеет себе аналогов в буддизме.

Мир был сотворен без человека, однако новое творение, которое есть подлинное Царство Божье, должно быть действием Бога в человеке и через человека. Оно должно быть великой, таинственной, богочеловеческой работой Мистического Христа, Нового Адама, в котором все люди как «единая Ипостась» или «единый Сын Божий» преображают космос и предлагают его, в великолепном сиянии, своему Отцу. Здесь, в этом преображении, произойдет апокалиптическое бракосочетание Бога и Его творения, окончательное свершение, о котором ни один смертный мистицизм не может и мечтать и предвестием которого являются символы и образы последних страниц Апокалипсиса.

Здесь, конечно, мы снова оказываемся в сфере представлений и образов. Мыслить об этих вещах, рассуждать о них означает отходить от Пустоты. Однако эти рассуждения являются действием веры, которая относится к сфере божественных знаний и готовит нас к более высокой и бдительной невинности – невинности мудрых дев, которые ждут с зажженными фонарями в окружении пустоты, озаренной славой Божественного Слова и объятой присутствием Святого Духа. Эта слава и это присутствие не являются объектами, которые «входят» в пустоту, чтобы «заполнить» ее. Они представляют собой не что иное, как собственную таковость Бога.

Нравственное богословие от лукавого

опубл.: «Русская мысль» – №4210 – 19–25 февраля 1998 – стр. 21.

Лукавый создал свою философскую систему и свое богословие, с помощью которых он втолкует желающим, что сотворенное – зло Бог сотворил зло и хочет, чтобы люди мучились под его игом. Согласно лукавому, Бог радуется, когда человек страждет, да и вся Вселенная стенает и мучается по произволению и замыслу Божию.

Воистину, утверждает это богословие, Бог-Отец испытал наслаждение, предав на смерть собственного Сына, а Бог-Сын для того и пришел на землю, чтобы

Его наказал Отец. Оба Они только тем и заняты, чтобы преследовать и наказывать верующих. Ведь Бог, творя мир, знал, что человек согрешит; не для того ли и мир сотворен, чтобы человек согрешил и восторжествовало Божие правосудие?

У лукавого получается, что первым сотворен ад, а уж все прочее — после, ради него. Адепты такого богословия просто одержимы злом. Мало им того зла, которое есть в мире, — они множат запреты, творят правила, растят тернии, лишь бы человек не уклонился от кары. Пусть раны его кровоточат с утра до поздней ночи, но и кровь не искупит его грехов. Крест уже не символ милости (да милости здесь и нет), он знаменует лишь торжество Закона, словно Христос сказал: «Я пришел не отменить Закон, но сделать так, чтобы он Меня отменил». Только тогда, согласно лукавому, Закон поистине исполнен. Он должен поглотить все, даже Бога; этого требует богословие кары, ненависти, мести.

Строящий жизнь по этим догмам должен бы радоваться наказанию. Но как искусно он от него уклоняется, перекидываясь с Законодателем мячиком Закона! Зато уж другим он кары не спустит, страданий не отменит Он только и думает о настоящем и грядущем возмездии. Да восторжествует Закон! Да сгинет милость! Вот он — главный признак адского богословия. В аду есть всё, кроме милости. Значит, там нет и Бога. Милость — знак Его присутствия.

Богословие это выбирают все, кто, то ли достигнув совершенства, то ли вполне оправдавшись перед Законом, не нуждается больше в милости. Бог ими доволен. (О, мрачная радость!) Угодили они и лукавому. Какая удача — успеть и там и тут!

Для тех, кто внимает таким речам, их поглощает, ими услаждается, духовная жизнь словно зачарована злом. С несказанным удовольствием смакуют они грех, страдание, проклятие, кару, правосудие, возмездие и конец света. Вероятно, где-то глубоко, в подсознании, утешаясь мыслью об аде, уготованном всем, кроме них. Откуда же они знают, что сами избегнут адских мук? Разумно ответить они не смогут, разве что сошлются на приятное чувство при мысли о возмездии, уготованном для других. Это самодовольство у них и зовется «верой»; на нем держится странная уверенность в том, что они спасены.

Бичуя грех, лукавый приобретает много учеников. Он внушает им, что грех — великое зло, порождает в них комплекс «счастливой вины», а потом предоставляет им размышлять о вопиющей греховности и неминуемой погибели остального человечества.

Нравственное богословие от лукавого начинается с принципа: «удовольствие — грех». Потом оно немного меняется: «Всякий грех — удовольствие». Еще позже лукавый подмечает, что удовольствие практически неизбежно и человек по природе к нему стремится. Отсюда он выводит, что все природные наклонности греховны, природа наша сама по себе зла. И вот он подвел нас к заключению, что греха вообще не избежишь, поскольку нас тянет к приятному. Наконец, чтобы окончательно утопить человечество, он прибавляет: «То, чего нельзя избежать, — вообще не грех». Тут уже всякое понятие о грехе отбрасывается за ненадобностью. Жизнь превращается в погоню за удовольствиями. Наслаждения, добрые по природе, становятся злыми. Воцаряются грех и беда.

Нередко именно те, кто страстно обличает зло и возвещает возмездие, подсознательно ненавидит других. Они хотят отыграться, поскольку им кажется, что мир их не ценит.

Лукавый не боится возвещать и волю Божию, чтобы только ему не мешали делать это по-своему. Рассуждает он приблизительно так: «Бог хочет, чтобы вы поступали правильно. Но вас же к чему-то влечет. Это приятно, это согревает, подсказывает, как поступать. Если же кто-то посмеет вмешаться, понуждая вас сделать что-то другое, процитируйте Писание; скажите, что вы должны больше слушаться Бога, нежели человеков, а потом творите волю свою. Главное — не утерять это приятное ощущение».

Богословие от лукавого — самая настоящая магия. Вера тут не обращена к Богу, открывающемуся как милость. Это субъективная «сила», которая подгоняет реальность под наши прихоти. Такая вера — что-то вроде непреодолимого желания. Напористость воли, питаемой «глубокими убеждениями», порождает особый навык, некое мастерство. Обрушившись на

Самого Бога всей Его чудесной мощью, мы склоним Его волю к воле человеческой. Бог превратится в средство для наших целей – вере, неотличимой от потрясающей, невиданной напористости (любой шарлатан может развить ее в нас за надлежащую мзду), поистине нет преград. Став цивилизованным шаманом, мы сделаем из Бога слугу. Правда Божия непреложна, но Сам он поддастся нашим чарам, позволит себя приручить. Он оценит наш напор и воздаст нам успехом. Мы прославимся, ибо у нас – «вера». Мы разбогатеем, ибо у нас – «вера». Враги сдадутся и преклонятся перед нами, ибо у нас – «вера». Дела пойдут прекрасно, все и вся у нас будет спориться. А как же еще? Однако это не так просто. Твердо зная, что вера может все, мы закрываем глаза и напрягаемся, дабы породить хоть немного «душевной силы». Мы верим. Мы верим.

И что же? Да ничего.

Мы снова закрываем глаза и напрягаемся, порождаем силу. Лукавый это любит и охотно поможет. Она просто хлещет из нас – и что же? Ничего. Мы будем стараться и тужиться, пока нам не станет худо. Мы устаем «порождать силу». Мы устаем от веры, которая ничего не меняет, не избавляет от тревог и конфликтов, не снимает ответственности, не избавляет от сомнений. Магия, в конце концов, не так уже действенна. Она не в силах убедить, что Бог нами доволен, и даже в том, что мы довольны собой (впрочем тут, надо признать, у многих вера очень действенна).
Теперь, питая отвращение к вере, а тем самым и к Богу, мы вполне годимся для тоталитарных движений, которые примут нас с распростертыми объятиями, – как же, мы ведь радуемся распрям, преследованию «низших рас», классовых врагов и вообще всякой каре для тех, кто от нас отличается.
И еще одно свойство такого богословия: различия между добром и злом, правдой и ложью превращаются в бездны. Мы уже не чувствуем, что сбиться с пути может каждый и надо брать на себя чужие ошибки, прощать, понимать, терпеть, любить, помогая друг другу. В богословии от лукавого самое важное – быть абсолютно правым. Мира это не даст – всякий хочет быть правым или хотя бы примкнуть к тому, кто прав. Чтобы доказать свою правоту, придется карать и устранять тех, кто тоже уверен в своей правоте, – и так далее…
Наконец, как и следовало ожидать, богословие от лукавого придает исключительную значимость., ему самому. Очень скоро выясняется, что он за всем стоит и всеми, кроме нас, помыкает Не прочь он свести счеты и с нами, а поскольку силой не уступает Богу, а, может, Его и превосходит, то успех ему обеспечен.
Короче говоря, богословие от лукавого учит, что лукавый – это Бог.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!